

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDY

Научная статья / Research Article
DOI 10.69571/PBSSPU.2024.17.1.018
УДК 821.161.1-1"17"Державин Г.Р.
ББК 83.3(2=411.2)51-8,445

Д.В. Ларкович

СТОЛИЦА VS ПРОВИНЦИЯ В ЛИРИКЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Аннотация. В статье рассматривается семантическая оппозиция «столица – провинция» в лирической поэзии Г.Р. Державина, которая выступает как специфический индикатор этических и эстетических приоритетов автора. Отмечается, что образ Петербурга фрагментарно встраивается в структуру поэтического высказывания, однако не обретает в нём статус самостоятельного художественного образа, а выполняет функцию пространственного фона, который призван подчеркнуть значимость и масштабность центрального объекта лирической рефлексии. Многолетний и устойчивый интерес к горацанской культурной традиции сосредоточил внимание Державина на провинции, образ которой представлен обширным корпусом его поэтических сочинений. Этот образ проходит в творчестве Державина путь длительного развития, поэтапно наполняясь конкретным содержанием, и достигает своего апогея в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская». Позиционируя провинцию как оптимальное условие самореализации личности, поэт не только в творчестве, но и на практике осуществил горацанский идеал человека, свободного от условностей несвободного социума, но не воспринял его как догму, а, развивая, пришёл к подлинно диалектическому пониманию законов бытия.

Ключевые слова: лирика, русская литература XVIII века, Г.Р. Державин, горацанство, русская усадебная культура, семиотика.

Для цитирования: Ларкович Д.В. Столица vs провинция в лирике Г.Р. Державина // Слово. Текст. Контекст. 2024. № 1 (17). С. 61–69. DOI 10.69571/PBSSPU.2024.17.1.018

D.V. Larkovich

CAPITAL VS PROVINCE IN LYRICS OF G.R. DERZHAVIN

Abstract. The article examines the semantic opposition “capital – province” in the lyrical poetry of G.R. Derzhavin, which acts as a specific indicator of the author’s ethical and aesthetic priorities. It is noted that the image of St. Petersburg is fragmentarily integrated into the structure of a poetic statement, though does not acquire the status of an independent artistic image in it, nevertheless serves as a spatial background, which is designed to emphasize the significance and scale of the central object of lyrical reflection. Long-term and sustained interest in the Horatian cultural tradition focused Derzhavin’s attention on the province, the image of which is represented by an

extensive corpus of his poetic works. This image goes through a long-term development in Derzhavin's work, gradually being filled with concrete content, and reaches its apogee in the poem "To Eugene. Life of Zvanka". Positioning the province as the optimal condition for personal self-realization, the poet not only in his work, but also in practice, realized the Horatian ideal of a person free from the conventions of an un-free society, not perceiving it as a dogma, but, developing it, came to a truly dialectical understanding of the laws of existence.

Key words: lyrics, Russian literature of the 18th century, G.R. Derzhavin, Horatianism, Russian estate culture, semiotics.

For citation: Larkovich, D.V. (2024). Capital vs Province in Lyrics of G.R. Derzhavin. *Word. Text. Context*, 1 (17), 61–69. DOI 10.69571/PBSSPU.2024.17.1.018 (in Russian)

Введение

Как известно, Г.Р. Державин прожил в Санкт-Петербурге более полувека, и, по справке Н.И. Глинки, за этот период сменил восемь адресов в разных районах российской столицы [1, с. 230]. Здесь он состоялся как первый поэт России, видный государственный и общественный деятель, но не оставил в своём объёмном творческом наследии ни одного сколько-нибудь значимого поэтического сочинения, предметно посвящённого Петербургу. Этот парадокс тем более примечателен, что его предшественники (А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, И.Ф. Богданович и др.) и современники (М.Н. Муравьёв, С.С. Бобров, А.Е. Измайлов и др.) внесли немалый вклад в процесс создания масштабного и многоракурсного поэтического образа града Петрова, получившего концептуальное развитие в творчестве поэтов последующих поколений.

Впрочем, было бы неверным полагать, что Державин полностью обошёл стороной эту тему. Можно выделить небольшой корпус державинских текстов, где образ Петербурга фрагментарно всё же встраивается в структуру лирического высказывания, однако не обретает в них статус самостоятельного художественного элемента, а выполняет функцию пространственного фона, который призван подчеркнуть значимость и масштабность центрального объекта лирической рефлексии («Видение Мурзы», «Провидение», «На кончину благотворителя», «Явление Аполлона и Дафны на невском берегу», «Шествие по Волхову Российской Амфитриты» и др.).

Цель, материалы и методы

Базируясь на методологии семиотического литературоведения, настоящее исследование обширного корпуса державинских лирических текстов, репрезентирующих образы столицы и провинции, призвано реконструировать и дешифровать систему словесных знаков, посредством которой сама оппозиция «столица – провинция» предстаёт в качестве значимой категории авторского сознания Г.Р. Державина и принципиально уточняет аксиологические акценты письменной культуры державинской эпохи.

Результаты и обсуждение результатов исследования

Ландшафтные очертания Петрополя (а именно такой эллинизированный эквивалент геономинии неизменно использует автор) имеют в стихотворениях Державина, как правило, условный и предельно

обобщённый характер, который опосредован ограниченным набором повторяющихся словесных знаков: башни, здания, храмы, Нева и её гранитная набережная, Финский залив. Примечательно, что практически все случаи актуализации образа Петербурга имеют здесь персонажную привязку, т.е. возникают лишь в связи с изображением той или иной (чаще всего – статусной) личности. В их числе – императрица Екатерина II, полководцы Г.А. Потёмкин и А.В. Суворов, президент Императорской Академии художеств А.С. Строганов, инициатор создания воспитательных домов и Смольного института И.И. Бецкой, император Александр I и др., то есть те, с кем непосредственно в сознании читателя ассоциируется образ российской столицы. Так, например, откликаясь стихотворением «Шествие по Волхову Российской Амфитриты» (1810) на путешествие великой княгини Екатерины Павловны и её супруга Георгия Ольденбургского, в наиболее масштабной по объёму лирической дискрипции, презентующей образ Петербурга, упоминает о российской столице лишь как о конечном пункте торжественного вояжа представительницы монаршего дома как гаранта национального благополучия:

Вижу, Севера столица
Как цветник меж рек цветет, –
В свете всех градов царица,
И ее прекрасней нет!
Бельт в безмолвии зерцало
Держит пред ее лицом,
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народам всем,
Как румяный отблеск зарьный [2, т. 3, с. 39].

Иными словами, Петербург в художественной системе Державина представлен не столько предметными, сколько персонажными образами, каждый из которых поэт позиционирует как некий культурно-исторический символ столичного локуса, персонифицированное выражение его ментальной сути.

Наряду с этим к концу 1780-х годов в результате многолетнего и устойчивого интереса Державина к гораццианской культурной традиции в его творчестве складывается семантическая оппозиция «столица – провинция» как выражение двух различных экзистенциальных и этических категорий. Поэт органично воспринял и творчески переосмыслил ключевой гораццианский принцип «золотой середины», предполагавший сознательное дистанцирование от хаоса столичной жизни для достижения внутренней гармонии, обретение которой представлялось возможным только в условиях сельского уединения. Так, ещё в одном из ранних своих стихотворений «Пикники» (1776) державинский лирический герой заявляет:

Оставя беспокойство в граде
И все, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы [2, т. 1, с. 41].

В дружеских посланиях 1780–1790-х гг. этот тезис получает более развёрнутое, концептуальное обоснование и обретает статус этической константы, как, например, в стихотворении «К Н.А. Львову» (1792), где тяготимый столичной суетой лирический субъект обращается к живущему в своём имении адресату словами:

Но ты умен: ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О Боге, дружбе и любви [2, т. 1, с. 515–516].

Постепенно «усадебная идеология» становится для поэта не только эстетическим ориентиром, но и особой жизнотворческой стратегией. Примечательно в этом смысле то, что при строительстве собственного дома на набережной Фонтанки в 1791–1793 гг. Державин стремится обустроить его не просто как жилое сооружение, а именно как усадьбу, отмеченную элементами провинциального быта [8, с. 14–17]. Эту особенность организации своего домашнего уклада поэт запечатлел в поэтических высказываниях, особо акцентируя образ сада как атрибут природной среды в условиях городского пространства:

А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой,
К отраде дом дала и сад
Сей жизни скучной, развлеченной [2, т. 2, с. 111].

С приобретением в 1797 году имения Званка в Новгородской губернии, где по выходу в отставку с 1803 года Державин находился практически каждое лето вплоть до самой смерти, отдельные стихотворные сочинения загородной тематики складываются в его творчестве в особый «провинциальный», а точнее – «усадебный» текст. Как известно, сам литературный феномен усадебного текста, у истоков которого стоял Державин, вскоре получил масштабное развитие в творчестве его младших современников, и по справке Т.Ю. Колягиной, уже в «Романе в письмах» А.С. Пушкина явлен устойчивый «атрибутивный комплекс, соответствующий концептосфере русской усадьбы» и семиотически представленный такими понятиями, как «дом», «сад», «озеро», «роща», «отсутствие роскоши», «земной рай», «уединение» и т.п. [4, с. 97].

Базовые константы этого комплекса можно наблюдать и в державинском усадебном тексте, где, помимо Званки, объектом поэтического изображения предстают Гребенёво – подмосковное имение М.М. Хераскова («Ключ»), Никольское Новгородской губернии – имение Н.А. Львова («К Н.А. Львову»), Обуховка Полтавской губернии – имение В.В. Капниста («Капнисту»), Слободка Владимирской губернии – имение Д.И. Хвостова («Волхов Кубре»), д. Виша Могилёвской губернии имение – В.А. Жуковского («Виша») и др. Все эти художественные топосы предельно обобщены, ситуативно схожи и ландшафтно однотипны. Их сближает идиллически маркированная система повторяющихся художественных образов ландшафтного (лес, луг, сад, холм, река), зооморфного (мирно пасущиеся

стада), акустического (пение птиц, пастушья свирель, тихие песни поселян) и эмотивного (радость, веселье) характера. Всё это в совокупности представляет собой художественно опосредованную горацанскую идею осмысленного и гармоничного человеческого бытия.

Особое место в этом ряду принадлежит Званскому топосу, образ которого актуализирован в более чем в двадцати державинских поэтических текстах. Так, в 1798 году Державин создаёт вольный перевод Второй оды из «Книги эподов» Горация «Похвала сельской жизни», где горацанская этическая формула «блажен, кто удалясь от дел...» наполняется конкретно-национальным и индивидуально-авторским содержанием, возникшим под впечатлением от месячного пребывания в Званке и воплотившемся в ракурсе особого, сугубо державинского гастрономического эстетизма:

Горшок горячих, добрых щей.
Копченый окорок под дымом;
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!

А как жаркой еще баран,
Младой, к Петрову дню блюденный,
Капусты сочные кочан,
Пирог, груздями начиненный,
И несколько молочных блюд:

Тогда-то устрицы го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляют нас французы,
И уж ничто не вкусно мне [2, т. 2, с. 169–170].

Примечательно, что центральная семантическая оппозиция «столица – провинция» обретает в этом стихотворении новую коннотацию: провинция воспринимается здесь как средоточие отечественной культуры и русского духа вообще, в то время как столица выступает как проводник культуры зарубежной, иной, глубоко чуждой лирическому герою. А в стихотворении «Цепи» (1798), адресованном племяннице А.М. Бакуниной, эта оппозиция, соотносимая в соответствии с горацанской традицией с понятиями «бремя оков» и «святая вольность», получит у Державина вполне определенную топонимическую конкретизацию «Петрополь – Званка»:

Так наслаждайся ж здесь ты вольностью святой,
Свободною живя, как ветерок в полянке,
По рощам пролетай, кропись вод струей,
И чем в Петрополе, будь счастливей на Званке [2, т. 2, с. 195].

В 1801 году, ещё будучи погружён в служебную деятельность в статусе сенатора, он создаёт стихотворение «Тишина», в котором Званка фигурирует как конкретный мифопоэтический топос, символизирующий сакральный акт поэтического вдохновения. Стихотворение пред-

восхитило известное высказывание А.С. Пушкина: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет» [7, с. 49]. Благодаря присущей исключительно сфере искусства способности преобразования жизни, перед лирическим героем Державина открывается возможность создания особой вторичной реальности, лишенной противоречий и напрямую сопряженной с подлинным смыслом бытия. Примечательно то, что достижение искомой гармонии осуществляется здесь посредством осознания сущности самой природы искусства, согласной которой звук песни может зародиться только в тишине:

Я пою, – Пинд стала Званка,
Совоспещут музы мне;
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине [2, т. 2, с. 368].

Сам ландшафт званского имения располагал к поэтическим переживаниям и мифологическим аллюзиям. Расположенное на высоком берегу Волхова и окнами выходявшее на курган, в недрах которого, по старинной легенде, покоилось тело волхва-оборотня, оно давало впечатлительному поэту пищу для образных ассоциаций и творческих экспериментов. Именно на этот период приходится пик увлечения поэзией Дж. Макферсона Державиным, который, по словам Ю.Д. Левина, в русской литературной практике «одним из первых воспринял творческие импульсы от оссиановской поэзии» и «искал новой поэтической образности, связанной с близкой ему северной природой» [5, с. 35]. Избрав по аналогии с шотландским поэтом ролевое амплуа барда, Державин погружается в мир народнопоэтического предания и подвергает литературно-художественной реконструкции ряд «варягоросских» мифологических сюжетов, почерпнутых как из устных, так и письменных источников [6, с. 82]. Наиболее очевидно эта ролевая стратегия предстала в балладе «Новгородский волхв Злогор» (1813), которая, по словам самого автора, была основана на старинном «новгородском баснословии». Повествование о демонических деяниях былинного кудесника Вольхи, историческим прототипом которого является полоцкий князь Всеслав Брячиславич, препятствовавший христианизации Русского Севера и якобы обладавший способностью к оборотничеству [9, с. 24], организовано здесь на пересечении «легендарного» и «реального» времён. В результате Званка как место посмертного пребывания мятежного волхва обретает статус особого мифопоэтического пространства, непосредственно сопричастного драматическим событиям национальной истории:

И днесь на Званке он проказит,
Тьмы ночью делая чудес:
Златой луной на Волхов слазит,
Лучем в нем пишет горы, лес
И, лоснясь с колкунами длинной
Как снег брадой, склоняясь челом,
Дрожит в струях, – иль, в холм могильной
Залегши, в мрак храпит как гром [2, т. 3, с. 186].

Но, конечно, наиболее масштабная и выразительная художественная модель провинциального универсума представлена в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807), которое В.А. Доманский не без основания склонен квалифицировать как «первый классический образец поэмы о сельской усадьбе» [3, с. 15]. Казалось бы, центральный для державинского усадебного текста тезис о личной независимости как высшей ценности человеческого существования является здесь смысловой доминантой, т.к. мысль о преимуществе размеренного, исполненного глубокого смысла и подлинных радостей сельского уклада жизни перед суетой и искусственностью существования человека в столице, непосредственно заявлена уже в первых строфах:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей,
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен – дней в останке [2, т. 2, с. 632–634].

Как видно, здесь чётко разграничены семантические поля двух антиномичных художественных топосов: Петрополь – зависимость, хлопоты, суета, теснота, затворы, бремя социально-иерархических условностей; Званка – блаженство, свобода, простор, вольность, уединение, тишина, довольство, согласие, здравие, покой. Далее по тексту следует развёрнутая и детализированная аргументация, позиционирующая Званку как сельскую идиллию. При её описании поэт использует комплекс словесных образов из арсенала идиллического модуса: «багрянец зорь», «влага рос», «солнце восходяще», «тихие отлогие брега», «кристальные воды» и др. В усадьбе царят покой и умиротворение, которые отзываются в душе лирического героя.

Пространство Званки обладает масштабной и многомерной структурой. Горизонтальное расположение предметных образов, непосредственно окружающих державинского лирического героя (река, лес, луг, сад, двор, поле и др.), органично сочетается с образами, имеющими вертикальную ориентацию (небо, солнце, звезды, гора и др.), благодаря чему возникает объёмная картина мироздания в его полновесном выражении.

Адекватно гармоническому строю художественного пространства стихотворения организовано и его время. Суточный ритм жизни лирического героя подчинён природно-циклическим ритмам. Его утро начинается с благодарственных слов Творцу и созерцания великолепия природы; затем после лёгкого завтрака наступают сладостные минуты «общения с музами» и необременительные хозяйственные хлопоты; в полдень начинается обильная, ритуально обставленная и эстетически

маркированная обеденная трапеза, которую неизменно венчает непродолжительный здоровый сон; далее до вечера следуют разнообразные невинные развлечения как на лоне природы, так и в помещении усадьбы; и завершают день тихие раздумья о бренности земного бытия.

Однако постепенно в этом цельном и, казалось бы, самодостаточном мире званской идиллии один за другим начинают проявляться элементы, отнюдь не свойственные традиционному усадебному топосу. Так, на фоне патриархальной тишины званского имения, с которой гармонируют «пастушьего рога зов», «тетеревей глухое токованье», «свист соловьев», «рев крав, гром желн и коней ржанье» [2, т. 2, с. 635], отчётливо доносятся какофонические звуки деревообрабатывающей машины. От умиротворяющих картин сельской природы взгляд державинского лирического героя легко переходит на литографические изображения географических и астрономических объектов, воссозданных посредством оптического механизма. С неменьшим интересом он наблюдает за тем, как происходит производственный процесс в ткацкой мастерской и на кузнице. А когда сельские «забавы» начинают ему «скучить», в своей усадебной гостиной он с радостью предаётся «увеселеньям», доступным столичному жителю (музыка, театр, балет). Эта способность в равной степени испытывать восхищение от созерцания природных объектов и рукотворных достижений цивилизованной культуры приводит державинского лирического героя к мысли о том, что суть красоты в единстве противоположностей или, говоря его собственными словами, «в естестве согласия во всем» [2, т. 2, с. 642].

Более того, усадебное уединение вовсе не становится условием полной изоляции лирического героя от внешнего мира. Предаваясь воспоминаниям о «красных днях» времён Екатерины, он не утрачивает связи и с настоящим. Черпая информацию «в Вестнике, в газетах иль журналах» [2, т. 2, с. 635], державинский герой находится в курсе основных новостей общественно-политической и светской жизни, живо и эмоционально реагируя на них. Соотнесение прошлого и настоящего порождает в его сознании мысли о будущем, которые он связывает с возможностью преодоления физической смерти посредством бессмертной поэтической славы. В результате усадебное циклическое время обретает линейную траекторию развития, замкнутое идиллическое пространство размыкается, а декларируемая изначально оппозиция «столица – провинция» утрачивает характер полярной семантической антитезы.

Выводы

Таким образом, в поисках ответов на вопросы о смысле человеческого существования и условиях осуществления собственного предназначения, Державин не только в творчестве, но и на практике осуществил гораццианский идеал личности, свободной от условностей несвободного социума, но не воспринял его как догму, а, развивая, пришёл к подлинно диалектическому пониманию законов бытия. Усадебный эскапизм не замкнул поэтическое пространство Державина в ограниченных пределах «идиллического» топоса, а, напротив, обострил способность поэта воспринимать и принимать мир во всей его полноте, онтологическом и гносеологическом многообразии.

Литература

1. Глинка Н.И. Державин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1985. 232 с.
2. Державин Г.Р. Сочинения. С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I–IX. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1864–1883.
3. Доманский В.А. Русская классика в культурных контекстах и диалогах: монография. М.: ФЛИНТА, 2021. 496 с.
4. Колягина Т.Ю. Воскрешение мифа об усадебном рае в «Романе в письмах» А.С. Пушкина // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 1. С. 93–102. DOI 10.26105/5869.2019.1.1.010
5. Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII – первая треть XIX века. Л.: Наука, 1980. 212 с.
6. Морозова Е.В. Баллада Г.Р. Державина «Новгородский волхв Злогор» (к истории текста) // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63. С. 80–83.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Т. 6. Художественная проза. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 575 с.
8. Татаринов А.В. Дом Г.Р. Державина в Петербурге. К истории строительства и перестроек // Державинские чтения. Вып. 1. СПб.: Дорн, 1997. С. 9–19.
9. Шумахер А.Е. Баллады Державина в историко-литературном контексте конца XVIII – начала XIX вв. // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 21–26.

References

1. Glinka, N.I. (1985). Derzhavin in St. Petersburg. Leningrad. 232 p. (in Russian)
2. Derzhavin, G.R. (1864–1883). Works. Vol. I–IX. St. Petersburg. (in Russian)
3. Domansky, V.A. (2021). Russian Classics in Cultural Contexts and Dialogues. Moscow. 496 p. (in Russian)
4. Kolyagina, T.Y. (2020). Resurrection of Manor Paradise Myth in “Roman in Letters” of A.S. Pushkin. *Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 1, 93–102. DOI 10.26105/5869.2019.1.1.010 (in Russian)
5. Levin, Y.D. (1980). Ossian in Russian Literature: End of 18th – First Third of 19th Century. Leningrad. 212 p. (in Russian)
6. Morozova, E.V. (2011). Ballad of G.R. Derzhavin “Novogorod Magus Zlogor” (on History of Text). *Bulletin of Novgorod State University*, 63, 80–83. (in Russian)
7. Pushkin, A.S. (1978). Complete works in 10 vols. Vol. 6: Fiction prose. Leningrad. 575 p. (in Russian)
8. Tatarinov, A.V. (1997). House of G.R. Derzhavin in St. Petersburg. On History of Construction and Restructuring. *Derzhavin Readings*, 1. St. Petersburg. Pp. 9–19. (in Russian)
9. Schumacher, A.E. (2012). Derzhavin’s Ballads in Historical and Literary Context of Late 18th – Early 19th Centuries. *Siberian Journal of Philology*, 4, 21–26. (in Russian)

**Статья поступила в редакцию 05.03.2024;
одобрена после рецензирования и доработки 30.03.2024;
принята к публикации 01.04.2024.**

**Received: March 05, 2024
Approved: March 30, 2024
Accepted: April 01, 2024**